

16+

Павел Сочнев

Размышлялки IV

Про жизнь, закаты, паром и человеческие отношения.

Павел Николаевич Сочнев
Размышлялки IV. Про
жизнь, закаты, паром и
человеческие отношения

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43610723
SelfPub; 2019*

Аннотация

Я очень разный, поэтому в этой книге собраны разные рассказы. Рассказы разных лет, разных времён года и разных настроений.

Содержание

Короткий путь	5
Вот такая жизнь	9
Свободные люди	11
Закаты	13
О пароме и человеческих отношениях	16
Не сложилось?	22
«Друг»	25
Крыса	30
Созидатели и разрушители	31
Рассказ о разговоре	33
Серость	35
О течении жизни	38
Ученик	41

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора, Сочнева Павла.

Короткий путь

В солнечный, ясный и теплый сентябрьский день я с семьёй поехал в Пермь. Расстояние было небольшое – каких-то 300 километров или четыре часа пути. Уже разноцветные, но ещё не опавшие листья на деревьях навевали романтическое настроение и такие же, абсолютно неразумные мысли.

–А давай проедем через Нагорную (это бывший шахтёрский, потом дачный посёлок рядом с г. Губаха) – вдруг решил я.

Жена, доверяя моему опыту, стажу вождения и надеясь на моё благоразумие согласилась. Наиболее весомым аргументом было сокращение пути, почти на сто пятьдесят километров. Т.е. по времени быстрее в два раза.

Сказано – сделано. И вот мы, перевалив через железнодорожный переезд, двинулись в заросшие мрачным лесом Уральские горы по грунтовой, слегка разбитой дороге.

Приключения начались на первых трёх километрах. Выбрав на развилке из двух дорог более укатанную, мы попали на делянку, которой дорога и оканчивалась. Нисколько не расстроившись – я бодрился, жена верила и пока не понимала, в какую авантюру я всех втягиваю, мы вернулись на развилку и двинулись по другой дороге. Менее укатанной, но

зато более узкой, сырой и разбитой настолько, что по лесу было бы наверно ровнее, дороге.

Даже в этих настораживающих условиях, у меня «хватило ума» попытаться «срезать» через поле. Срезал, сел в тщательно перемешанную лужу в десяти метрах от, как мне показалось, бетонной дороги. С трудом вытолкав машину – Ваз 2104 десятилетнего возраста и сменившую до меня уже трёх хозяев, я, отъехав для разгона, с рёвом ломанулся на штурм. Получилось. Дорога стала на пару метров ближе, а машина села ещё глубже. Используя опыт предыдущего выталкивания и хлипкую силу, уже слегка уставших, подкапотных лошадок мы вытолкали машину обратно на сухое место и поехали к дороге.

Пытаясь удержать машину на кривой, избитой и очень узкой дороге, я дал себе зарок «Больше не срезать». И вот дорога. То, что я считал «бетонкой», оказалось бетонной лежнёвкой. В чём разница? Просто «бетонка» – это дорога с твёрдым (бетонным) покрытием, а лежнёвка, это когда узкие бетонные плиты положены только в районе колёс. И основания у дороги, как такового нет. А ещё её клали, рассчитывая на грузовики, а не на легковые машины.

Уральские лесные дороги интересны тем, что очень извилисты как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости, причём эти изгибы комплексны, т.е. подъём/спуск с сочетанием поворотов. Серпантинном это назвать трудно. Это просто уральские дороги. И вот эти многочисленные изгибы

не дают возможность увидеть, какую-либо большУю часть дороги. Метров 200 – 300, а что дальше – неизвестно.

Движимый желанием проехать, любуясь лесными красотоми края, я вместе с семьёй устремился вперёд. Наличие такого же желания у семьи наверно не было. Заманив меня вглубь, как Кутузов Наполеона, дорога ушла под достаточно широкую лужу. Построив правильную траекторию движения (полёта, плавания, скольжения) между уходящими под воду плитами и выходящими с другой стороны, я твёрдой рукой (и правой ногой) отправил машину из точки А в точку В. Расчёт траектории оказался правильным, но не была учтена глубина лужи и, далеко не идеальный рельеф её дна. Эти оплошности не помешали машине полностью покинуть точку А... До точки В она добралась не вся. Только передние колёса, а задние колёса, оторвавшись от дна под действием, вставшей под машиной, бетонной плиты, пустили такой фонтан, что ему бы позавидовали многие фонтаны Петергофа.

Приняв водно – грязевые процедуры и значительно промучившись, мы всеобщими усилиями всё-таки достигли точки В, путь назад был отрезан. Он был отрезан и раньше потому, что на лежнёвке не развернёшься, а сейчас ещё и вставшая дыбом плита.

Множество луж, разрушенных мостов и раскоряченных плит, встретившихся на дороге, полностью отбили желание любоваться красотоми. И отняли силы восхищаться. Доро-

га была пустынной и бесконечной. Используя домкрат, топор, лопату, помогая подкапотным лошадам, человеческими усилиями, мы продолжали свой путь от препятствия до препятствия. За все семь часов пути по лесному участку повстречалась только одна машина – Камаз вездеход, водитель которого серху вниз и с удивлением посмотрел на нас. Вероятно, совсем не ожидал увидеть такое. А я обрадовался – мы не одни на этой дороге.

Кроме желания выбраться из этого леса, проснулось, напомнило о себе и стало ощутимо острым желание ЖИТЬ.

Через 78 километров, на развилке попался человек, с ведром полным грибов.

–Друг!!!! Как проехать на Пермь?

Я был искренне рад ему. А он так же искренне удивился.

–Вы с Нагорной едете? А зачем? Тут недавно проводились соревнования по «бездорожью» на вездеходах, так они другую дорогу выбрали потому, что эта очень плохая.

Мы справились, машина не подвела, а я ещё год шарахался даже от мелких луж на асфальте и для того, чтобы вспомнить и понять, как прекрасна жизнь, уже не использую экстремальные способы вроде дороги через Нагорную.

2004.

Вот такая жизнь

Он сидел на «шконке» и, дожидаясь от меня участия, рассказывал о необъективности и предвзятости следователей и работников прокуратуры, которые «вешали» ему семь лет за, якобы, им вскрытые погреба и «вынесенную» хату.

Нет, ничего необычного в новом сроке нет – он сидит с четырнадцати лет. Сначала драка, потом «обули» магазин. Потом пошли хаты. «Кореша» всегда его грели и в тюрьме, и на «зоне». И встречали после срока как положено. А на дело никогда особенно не готовились, получалось само собой. Но вот беда какая – кто ни будь да вложит. Или сами засветятся.

Тут на зону батюшка приехал. Поговорил он с батюшкой, да решил завязать. Сорок пять как ни как. Надо и на воле пожить. Крестился. Откинулся. Бабу нашёл. Зажили. Искал работу, почти нашёл, а тут менты нагрянули. На посёлке кто-то хату «вынес». Нашли шапку, говорят с хаты. Руки за спину и на нары. Пособирали все вскрытые погреба, в одном топоре нашли, свидетели сказали, что его.

Пообещали, что если добровольно на себя возьмёт, то будет семь, потом по УДО, а если будет упираться, то всё равно повесят и на полную катушку, а это червонец.

Да ладно, семь так семь. Будет сидеть, писать протесты, ждать.

А если, даже по УДО, выйдет то будет почти пятьдесят.

Жизнь то прошла, а волю если и видел, то совсем немного и пьяный. Как же так? Зачем жил? А?

Что я ему мог сказать?

1997

Свободные люди

Со своей бригадой работал на шахте «Имени Крупской». Точнее там, где она, когда-то была. Разравнивали территорию, собирали трубы, вагонетки, задвижки – чтобы даже следа от шахты не осталось. Рядом, как раньше говорили «рука об руку», добывали хлеб насущный бомжи.

Они, как кроты, рыли норы или кайлили траншеи в местах залегания цветного металла в виде силовых кабелей.

Лето выдалось славное – теплое, в меру сухое, почти без дождей и потребности где-то прятаться от непогоды у этих свободных и не попадающих под налогообложение граждан не было. Не покидать месторождение они могли ещё и потому, что предприниматели, принимающие у них цветной металл и передающие его дальше по цепочке, тянущейся к Эстонии и дальше теряющейся в безбрежном Атлантическом океане, сами развозили их по местам предполагаемых залежей и периодически к ним приезжали.

Приём металла проходил с помощью напольных бытовых весов или, если «самородок» был огромным (задвижка, корпус насоса и т.д.), «на глаз». Расчёт происходил тут же. Товары первой и, наверно, единственной необходимости были представлены следующим ассортиментом: чай, «Доширак», хлеб, сигареты, спирт. Изредка и, понемногу, расплачива-

лись с бомжами деньгами.

Бомжи были свободными людьми, которые не гнались за сверхприбылями и не изнуряли себя непосильным трудом. Хотели – копали, не хотели – не копали.

Следы вершины этой свободы я увидел как-то утром. Это было два спальных места, застеленных картонками от коробок. Между ними пепелище небольшого костерка и закопчённая консервная банка с остатками заварки.

Пирамида иерархии потребностей по Маслоу была применима к этому случаю только условно. Люди достигли вершины, пропустив все стадии. Не было стабильности, не было безопасности, не было признания общества, не было завтра – оно наступит только утром, а было только сегодня. И в этом сегодня – собеседник, костёр, чай, уютное ложе, неторопливая беседа под сигарету и звёздное небо. Они жили здесь и сейчас.

Кстати, эти двое спирт не брали.

1998

Закаты

С полянки перед домом открывался замечательный вид на посёлок, море и длинную линию побережья, километров семнадцать. Почему семнадцать? Потому, что село Пензенское находилось от нас в четырнадцати километрах и, было видно из Ильинска, а побережье тянулось дальше и только километра через три заворачивало налево. Туда же заворачивала и идущая вдоль берега пыльная грунтовая дорога.

С полянки были видны идущие по дороге машины и мотоциклы. Днём их можно было заметить по шлейфам пыли, которые каждый тянул за собой, а ночью по свету фар.

В конце июля, когда вода прогревалась градусов до 20, можно было купаться. Море пускало по своей поверхности яркие, блестящие блики. Они, как маленькие солнышки, блестели и искрились на воде. Море просто сияло и даже режало глаза.

Скатившись поближе к морю, солнце сужало своё отражение до блестящей дорожки, идущей от места предполагаемого погружения до берега. По мере опускания солнца, дорожка, из просто блестящей, превращалась, сначала в жёлтую, потом розовела и, на прощание, становилась ярко красной. А солнце, как будто устав освещать море и землю, яркими красками расцвечивало небо. Оно, даже безоблачное,

становилось ярко – разнообразным. От красно – золотого на западе до темного, фиолетово-синего на востоке. Тени людей, домов, столбов, деревьев вытягивались почти бесконечно длинно. Даже моя тень, тень маленького мальчика, убежала, куда-то за огород, к кладбищу и чуть-чуть не дотягивалась до сопки.

И всё, что меня окружало, преображалось волшебным образом. Стёкла домов сияли золотыми и красными отблесками, лес, заборы и трава становились более чёткими и контрастными. Всё принимало тёплый желтоватый, или даже слегка оранжевый оттенок и становилось добрым, близким и уютным.

А если на небе были облака! Солнце перекрашивало белые облака в серо – фиолетовые и помещало их в блестящие золотые рамки, а, чтобы картина не казалась удручающей, раскрашивало это серое поле алыми мазками. И постоянно меняло расцветку и форму облаков. Иногда развеивая их без следа, а, иногда, собирая к себе, чтобы укрыться ими как пуховым стёганым одеялом. Укрываясь облаками, солнце иногда подглядывало через щелочки, острыми яркими лучиками.

В какую бы сторону не нёс ветер облака, всё равно, казалось, что они идут, повинаясь не ветру, а солнцу. Такое оно было притягивающее и давало такую мощную перспективу, что сомнений даже не возникало – оно главное.

Закаты всегда выглядели неторопливыми, бесповоротны-

ми, какими-то очень опытными, знающими жизнь и умеющими ярко показать гармоничное величие, разнообразие, неповторимость и красоту природы, в отличие от долгих, а потом быстрых, но всегда однообразных восходов, которые, после восхода солнца, почти сразу же переходили в день.

Закаты были дольше, разнообразней, ярче, и ночь наступала, почти сразу, после захода солнца.

2006

О пароме и человеческих отношениях

После семидневного путешествия по бескрайним просторам нашей страны, в раскалённых до $+ 32^{\circ}\text{C}$ вагонах, я с детьми вышел на станции Ванино. Дальше нам предстояло короткое морское путешествие на пароме. Покачивающаяся палуба, морские просторы, свежий ветер, чайки, каюта... Всё это испарилось, как только мы вошли в зал ожидания морпорта. Все сидячие места были заняты, люди сидели везде – на скамейках, чемоданах, подоконниках, батареях, корточках. А кассу закрывала устало – молчаливая толпа. Все ждали парома.

Какой-то опытный активист из свежеприбывших тут же стал записывать очередь. Я записался далеко не первым.

Узнав у толпы, что люди приехали ещё трое суток назад, я сник. Стремительный рост паники во мне, прервал вопрос сына «Папа – это надолго? Мы сегодня не уедем?» «Не беспокойся, конечно – уедем!» сказал я и, снабдив детей купленными на перроне пирожками, стал просачиваться в толпу.

Осторожно преодолевая вяло-усталое сопротивление толпы, я добрался до окна кассы.

Билеты начнут продавать, только когда подойдёт паром, количество свободных мест сообщит капитан, все ближайшие паромы заняты новобранцами, которых МО отправляет на Сахалин, можно попасть на паром, если отдать милиционеру или кассиру документы с двойной суммой – эту лавину информации я получил, прислушиваясь к ропоту толпы.

«Подходит паром!». Эта новость заставила толпу на некоторое время забыть усталость и, помня о наличии списков очереди, все же плотнее прижаться к кассе.

Тут же появился милиционер, который, делая вид, что призывает к порядку, провоцировал толпу на обратное. Толпа истерично-возмущенно выкрикивала, что-то просяще – обидное. Сулила всем работникам морпорта пережить тоже самое. Умоляла, угрожала, изредка слегка уменьшась за счёт упавших в обморок или глотающих успокоительные таблетки. А над толпой (морально) возвышался милиционер и, разжигая всё дальше и дальше её негодование, готов был в любой момент вызвать усиленный наряд.

Вдруг из толпы уверенно проявилась женщина, утверждавшая, что она сотрудник МЧС и, не далее, как в феврале этого года, сам МИНИСТР, собственноручно вручил ей медаль. Она не позволит издеваться над народом и призовет правительство (города, края, России) или своё министерство, выручить людей, попавших в такую беду. Нет, документов о работе в МЧС у неё не было – она же в отпуске. Но она сейчас же пойдет в Администрацию города, и всё

обязательно решит и всех спасёт.

В это время, пока основная часть толпы участвовала в импровизированном митинге, я бдительно охранял окошко кассы, от поползновений желающих уехать за любую цену.

Работать пришлось на два фронта, потому что кассир тоже пыталась удовлетворить желающих не только купить билет, но и поделиться с ней. Сдержав напор и, не допустив встречи двух фронтов – кассира и взяточдателей, решимости и непреклонности мне придавало желание не остаться на следующий паром и отсутствие свободных денег на взятку, я приступил к организации живой очереди, с учётом ранее написанных списков.

Милиционер, видя безуспешность своих попыток организовать беспорядки, переговорив с кассиром, громогласно объявил, что в первую очередь пройдут пассажиры с детьми. Не уверен, что они это сделали из гуманизма. Скорее всего, из вредности и пытаюсь, всё-таки, внести сумятицу. Лёгкую суету, возникшую после этого заявления, я тоже успокоил. Люди с детьми не стали устраивать побоища, предъявлять орущих и ревущих детей, а просто построились, в соответствие со списками. Видя, что я как клещ вцепился в подоконник кассы, никуда уходить не собираюсь и не пытаюсь взять билеты себе, очередь делегировала мне полномочия контроля. А я всё ждал возвращения женщины из МЧС, надеясь, что она придёт с кем-то главным и всё сразу решиться – дадут какое-нибудь судно и всех заберут. А её всё не было, а

паром уже пришёл, и надо было продавать/покупать билеты, чтобы его не задерживать.

О том, что я с детьми, не забывал, но билеты в этом первом льготном потоке не взял. Почему? Наверно, потому что все смотрели на меня и надеялись, нет, не уехать, а что будет какой-то порядок, и наглые внеочередники не проскользнут, и пусть не все уедут, но многие. Потому что вчера уехало только десять человек.

Одну женщину я пропустил без очереди, вперёд льготников. Она стояла у стены, рядом с кассой и обречённо умоляюще твердила: «Ну пожалуйста, я уже не могу, я здесь уже двое суток, пожалуйста». Она не рвалась, не истерила. Она просто стояла и просила, и устало умоляюще смотрела. Судя по спискам, она была действительно здесь очень давно.

А паром оказался гораздо более вместительным, чем описывала кассирша. Билеты взяли все пассажиры с детьми, в том числе и те, кто приехал на нашем поезде, потом прошли те, кто ждал трое суток, потом двое суток, настал черёд нашего поезда. Последний пассажир, из вчерашнего списка, взяв билеты, сказал: «Спасибо. Ты сам-то возьми, а то всех пропустил, а сам останешься, тем более с детьми».

Дрогнуло моё сердце, заглушило совесть, и я протянул документы кассиру. Как выяснилось, мест осталось только два и в разных каютах. Но глянув на меня, кассирша о чём-то переговорила с милиционером и выписала два билета. «О дополнительном месте переговоришь на посадке».

Увидев, что я, оставив список, отошёл от кассы с билетами, люди, стоявшие рядом и чуть-чуть не уехавшие, возмутились «Ты дальше нас по списку!», «Я с детьми!». Интересная смесь чувств – радость от того, что получилось и угрызения совести, что сделал чуть-чуть не так. Но я действительно был с детьми и мог взять билет раньше...

При посадке, посмотрев на нас троих и наши два билета и созвонившись с кассой, контролёр ещё раз более внимательно глянула на меня и, не взяв денег, пропустила на паром.

Ура! Мы на пароме, на настоящем морском пароме! Но как же совместить каюты? Чтобы не в разных, а в одной. Они были двухместными и, надо было только попросить, кого ни будь одного переселиться и всё. С такой просьбой я подошел к старушке, которая устало -радостно двигалась по коридору. «Никуда я переселяться не буду, просите постоянно, обманываете. Кому надо, тот пускай и переселяется, а это моё место!». Не ожидавший такого поворота событий, я сник.

Ну что же, детей распихаю по каютам, а сам в коридорчике или на верхней палубе. Каково же было моё удивление, когда в каюту вошёл молодой человек, взял свои, уже поставленные, чемодан и сумку и сказал, что я с детьми могу располагаться в этой каюте, а он один и поэтому пойдёт в каюту к старушке. Старушку мы встретили, когда пошли на обед. «Сынок, извини, я тебя не узнала, да и устала. Только, пожалуйста, извини». Конечно, конечно извиню, и обида, та первая обида на старушку – это неправильно, и зря я вообще

с такой просьбой обратился. И не какой я не герой, подумаешь – «организовал», а плыть в одной каюте совсем не обязательно. Обязательно просто плыть. Вот мы и плывём. Что ещё надо?

А женщину из МЧС я встретил уже после обеда на верхней палубе – «Вы тоже сумели взять билеты?» «Я взял в кассе, после того, как посадил очередь». Улыбка на её лице, такая искренняя, стала сначала неискренней, потом вообще сошла и, остальное время пути мы не встречались. Может быть, она была не из МЧС? Или «спасение утопающих – дело рук самих утопающих»?

2005

Не сложилось?

Анекдот

Разговаривают две подруги.

– Хочу, что – бы на Новый год

ко мне прилетела фея и

подарила сто тысяч долларов.

– А почему не миллион?

– Ты знаешь, миллион – это

не реально!

Однажды в поисках уютного места для совместного посещения, я зашёл в кафе. Администратор, общаясь со мной, постоянно отвлекалась на уже состоявшихся клиентов, которые готовились к, уже сегодняшнему, торжеству.

«Виновник» торжества – усталый пожилой мужчина. Думая, что он просто устал от предпраздничной суеты и, желая как-то его подбодрить, сделав приятное, я поздравил его со знаменательной датой. И, совсем неожиданно, услышал в ответ: «Было бы, с чем поздравлять. Жизнь прошла. Ничего не видел, ничего не сделал. Видно, просто не сложилось!»

Как так? Жизнь не сложилась? По каким параметрам мы оцениваем свою жизнь? Или даже не жизнь, а более короткие промежутки – год, месяц, неделя, день. Чего мы хотим от жизни? Почему у кого-то «катит», а у нас нет?

Что должно «катить»? Чего хотели, но не получили? Или получили, но не тогда, или чуть-чуть не то, или не так, или хотели и получили, но почему – то не обрадовались? Или вообще не заметили и вспомнили через некоторое время, а радоваться надо в момент получения и опять расстройство.

И, вообще, чего мы хотим от жизни? Чего-то радостного и светлого? А если по конкретнее, то и сами точно не знаем. Получается, что зачастую мы хотим «ничего». Что хотим, то и получаем.

Может быть, попробовать сформулировать, чего хочется, а потом, подумав, отбросить то, чего хочется, но не нужно. Просто хочется. Но подумав «зачем?», прийти к мысли – «незачем». А незачем – значит – не надо, т.е. не хочется. Вот такая своеобразная ревизия имеющегося и желательного.

И может получиться, что уже почти всё есть. И пора бы быть счастливым и научиться пользоваться тем, что есть. И получать удовольствие, нежась в своём благополучии и обеспеченности. Не в светлом будущем, а в настоящем. Здесь и сейчас.

Как просто – получать то, что хочешь. Как сложно – хотеть возможного. Как приятно – радоваться тому, что есть.

А что бы не проводить день в ожидании чего – то, попробовать написать (обязательно написать) план на будущий день. Очень помогает. Пишешь то, что хотел бы сделать. Когда фантазия иссякает, получается, что дня не хватит, поэтому часть приходится переносить на следующий день или да-

же неделю. Получается, что планы (желания) есть. Если всё это реально (без ожидания фей и подключения потусторонних сил), то выполнение, почти полностью зависит от меня. Сделал – получил – порадовался. Сделал больше – можно погордиться с удовольствием. Что-то получил сверх плана – опять радость, может быть даже восторг.

И в суете выполнения (когда знаешь, что нужно – суеты меньше, КПД – выше), любишься тем, что тебе не принадлежит, но окружает (закаты, снежинки, деревья...). Всё складывается, почему бы ни полюбоваться, тем среди чего мы живём. Или суетимся, не замечая? Или учимся жить, не суетясь и любуясь? Складывая из дней, недель и лет свою жизнь...

2007

«Друг»

«Чтоб жизнь прожить
знать надобно не мало,
два мудрых правила
запомни для начала:
Ты, лучше голодай,
чем что попало есть
и лучше будь один,
чем вместе с кем попало»
Омар Хаям

У западного побережья Сахалина, в основном, обрывистые берега. Узкие песчаные полосы прибоя, заваленные дровяшками, водорослями и прочим морским мусором, упираются в отвесные скалы. Во время шторма волны бьют прямо в скалы. Во время отлива, если море тихое, можно пройти по песку между отвесной стеной из песчаника и ласково шебуршащим морем.

Море постоянно покушается на сушу и не безрезультатно. Остатки первого русского форта, уже давно в море. Морской улицы, на которой стояли дома, тоже нет. Море подобралось к огородам, домов, которые стоят на следующей улице. Оно постепенно слизывает западное побережье.

Школьниками мы с другом частенько ходили на море.

Иногда ходили по берегу, иногда по верху обрыва. Тогда между огородами и краем обрыва ещё было достаточно места и, кое-где даже сохранились фундаменты японских домов – остатки Морской улицы. Сейчас этого нет.

Море подмывало обрыв снизу и верхняя часть, теряя опору, откалывалась, падала вниз и постепенно поглощалась неутомимыми волнами. Вот так год за годом, кусочек за кусочком.

Кусочки падали не сразу. Сначала появлялась трещина, она расширялась до тех пор, пока точка равновесия не перемещалась на достаточное расстояние в море и, стремящаяся к автономности масса, не пересиливала сопротивление корешков и плотно утрамбованной земли, хранящей её целостность. Тогда с глухим, но сильным звуком кусок уходил вниз. Разбиваясь в полёте на более мелкие куски, а в конце рассыпался просто несвязанной кучей земли, травы, камешков.

Как многие природные явления это было захватывающим зрелищем. От обвала веяло какой-то энергией. Он был опасен (если окажешься в этот момент внизу), неуправляем и сокрушителен. В общем – стихия.

Трещины мы обходили, когда шли по прибою – поглядывали вверх, что – бы не попасть под обвал. Посмотреть бы со стороны... Но ждать пока всё само собой случится я не собирался.

Вооружившись крепкой палкой, мы с другом прошли по

верху обрыва, выискивая широкие трещины. Найдя такую, вставляли палку и помогали природе нарушить равновесие. Кусочки падали, мы с замиранием следили сверху, как они уходят вниз и разбиваются о песок. Страшно. Часть обрыва улетает, а ты стоишь на вновь образовавшемся краешке. А что под ногами? Ведь можно уйти следом! Страшно. Вот это и захватывает. Зрелище и вероятность опасности. А хочется ещё более глобального зрелища. И вот, мы нашли трещину, которая проходила метрах в двух от обрыва. Вот это кусок! Ухнет, так ухнет!

Понимая, что в этом случае опасность может быть реальной, я предусмотрительно распределил роли. Ложусь на землю, лицом к трещине, друг тоже ложиться, крепко держа меня за ноги, чтобы в случае если отвалится большой кусок, он меня вытащил или просто удержал. Обрыв небольшой – метров 10 – 12, но шансов остаться целым немного.

Улёгшись цепочкой, мы начали работу – друг держал, я старательно расширял трещину. Она понемногу становилась всё шире и шире. И вот, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее кусок скалы стал отламываться, заваливаясь в сторону моря. Зрелище потрясающее. Я, закричал. Мне хотелось, чтобы и друг увидел это. Он мог успеть посмотреть. И действительно – он отпустил мои ноги.

Огромный кусок не летел, он быстро опускался вдоль скалы, стёсывая выступающие камни, стираясь сам. Оставляя за собой клубы пыли, которые пахли землёй, камнями, травой,

какой-то сыростью. Дуфф!!! Даже немного земля подо мной дрогнула. Кусок, ударившись о песок, взметнул вокруг гальку, водоросли и огромное количество песчинок. Часть этого даже улетело в море, подняв фонтанчики. А сам рассыпался, превратившись в кучу перемешанной с камнями и травой земли. Классно!!!

С кучей положительных и бодрящих эмоций, я встал и оглянулся. Хотелось поделиться с другом. Как это было, как здорово. Дети не описывают увиденное, они делятся эмоциями, часто на непонятном и раздражающем взрослых языке. Оглядываясь, я не увидел рядом друга. Неужели он пропустил такое зрелище? Да, действительно пропустил. Он стоял у забора, метрах в пяти от меня. Слегка бледный и настороженный. Он испугался и бросил меня? Нет, не может быть, что – то, наверное, другое!

«Ты почему не смотрел? Я же тебя позвал! Такой момент упустил!», ответ меня ошарашил: «Я думал, что ты проваливаешься, вместе с куском и испугался». Дальше я размышлял уже сам. Испугался, не только за меня, но и за себя. За себя больше. Или только за себя. И бросил. Не растерялся и не помог. А просто бросил, спасаясь сам.

Разборок не было. Нас по-прежнему считали друзьями, тот случай мы не вспоминали, а «дружили» по географическому признаку – дома были рядом. А человек – стадное животное. Ему надо быть с кем – то, быть в стаде. В стаде видимость защищённости. И только много позже я, сначала про-

читал, а потом понял, рубаю Омара Хаяма, с которой этот короткий рассказ и начинается.

2007

Крыса

«Дети – наше будущее!»

Лозунг.

Как-то осенью, я ехал по городу. В том месте улица разделена газоном. На противоположной стороне дороги веселились двое мальчишек лет десяти. Ну, веселятся и веселятся. Только вот, зачем – то выбегают на дорогу, а потом опять возвращаются на обочину.

Минут через десять, возвращаясь обратно, я увидел, что за занятие доставляет столько веселья. Они бросали под колёса проезжающих машин крысу и восторженно смотрели, как бездыханное тело превращается в кровавое месиво. Кинули и мне. Я объехал и, остановившись, но не выходя из машины, спросил: «Зачем вы это делаете?». Мальчишки, переглянувшись, пустились наутёк. Испугались.

Я понимаю – крыса вредитель, с ними борются, уничтожают. Но издеваться не стоит. Даже над крысами. Может быть, мальчишки это поймут позже? Или не поймут, если никто не скажет. Да и кому говорить? Взрослые заняты своими делами. Им нет дела до будущего – у них есть настоящее, в котором столько проблем и забот

2005

Созидатели и разрушители

На границе начала зимы, и окончания осени повалил снег. Его было много и шёл он несколько дней, укрывая чёрную и неприглядную землю, укутывая серые голые деревья и пряча от глаз разбросанные тут и там следы человеческой жизнедеятельности, а проще – мусор. Большие пушистые снежинки, плавно паря в воздухе, не успевшем остыть до зимней температуры, ложились, и ложились на землю, машины, идущих людей. Невесомые и белоснежные.

Детвора, вытащившая во двор санки и лыжи, радовалась наступлению зимы. Но горок пока не было, лыжи кое – где шоркались о землю и зимние забавы сузились до лепки снеговиков. Уж очень хотелось заниматься чем – то зимним. Взрослые, которые то же устали от осени и, зная о зимних трудностях, сдержанно радовались окончанию грязи и слякоти.

В соседнем дворе, соединив желания и возможности, дети и взрослые быстро и радостно возводили несколько «скульптурных групп». Перед одним из подъездов выросли два снеговика. С носами – морковками, руками – ветками и шляпами – кастрюлями. Их ещё и разрисовали красками. Радостные, яркие, улыбающиеся снеговики. У другого дома, в этом же дворе, слепили зверюшек. Больше всех выделялся заяц.

Тоже радостный, с большими ушами.

Прохожие, которые не участвовали в лепке, проходя, с восхищением рассматривали фигуры. Их даже сфотографировали для газеты. А созидатели, устав, намокнув и замёрзнув, разошлись по домам. Довольные и радостные.

Сначала исчезли нержавеющей стали кастрюли – шапки. Потом появились дети. Не те, что лепили, а другие. Но тоже радостные и активные. Набросившись на фигуры, они с каким-то остервенением принялись их разрушать. Ещё не замёрзшие фигуры не смогли устоять под их яростным натиском. Они были разломаны на части, части раскиданы, а потом и растоптаны. Все. И снеговики, и звери.

И усталые разрушители, не находя больше объектов для разрушения, замёрзшие и довольные тоже разошлись по домам.

На следующий день, тоже шёл снег, тоже можно было лепить, но никто не лепил и не разрушал. И созидатели, и разрушители вяло и как-то грустно бродили по двору.

Созидатели – расстроенные тем, что фигуры сломали. Разрушители тем, что ломать больше нечего.

Сейчас весна. Самое время лепить снеговиков, но их никто не лепит, потому что всё равно сломают. И ломать нечего. И нет общего дела. И как – то грустно и не весело. И разрушителям, и созидателям.

Рассказ о разговоре

– Вы умеете говорить ни о чём?

Взгляд собеседника, за секунду до вопроса отражавший мощные мыслительные процессы, направленные на анализ получаемой информации и принятие очередного управленческого решения, вдруг стал растерянно беспомощным. Потом, просто растерянным. Потом перестал быть взглядом. Взгляд – это когда куда-то смотрят и, вероятно, что-то видят. А тут – глаза есть, но они не смотрят. Открытые и пустые. Ни блеска, ни мыслей.

Так и сидели некоторое время в тишине кабинета. Один – на стуле, стоящем у стены, усталый и безразлично бесстрашный, второй на кресле, за столом заваленном грудой бумаг с важной и срочной информацией – докладами, приказами, объяснительными, схемами, сроками и т.д.

В этой пустой тишине пыталась родиться истина. Истина о том, что же является наиболее важным – суета ради чего-то не понятного, но оплачиваемого, нужного потому что это нужно тем, кто важнее и не нужно тем, кто должен подчиняться и нужно заставить тех, кто не хочет, делать то что не нужно им, но нужно тем, кто важнее и они готовы оплатить, оплатить и тем, кто не хочет, и тому, кто заставит. Или, ну это всё к чёрту. И тогда разговор ни о чём. О том, что ни-

когда никем не будет оплачено, но можно будет понять, что же внутри, зачем всё это.

А решать, что же будет – должен опять тот, кто сидит в кресле и решает проблемы. Чужие проблемы, которые стали его проблемами. Мог получиться разговор ни о чём. Или о том, что важно, но не нужно и будет сделано лишь из-за того, что это будет оплачено. И возможно станет смыслом жизни. Или уже стало.

Смысл жизни в том, чтобы быть нужным тем, кому ты нужен для того чтобы решать их проблемы за те деньги, которые выплатят потом. Выплатят в том объёме, который посчитают нужным, совсем не учитывая потребности, а лишь оплачивая сделанное.

А если вспомнить, что незаменимых людей не бывает, то и нужность становится сомнительной и смысл жизни слегка теряется и появляется растерянность. И хочется плюнуть на всё, но не громко, а безразлично бесстрашно и задуматься ни о чём, или поговорить об этом с кем ни будь, кто знает, что кроме нужного, важного и бессмысленного есть ещё и ненужное, но очень важное, то что делает человека человеком, придаёт смысл жизни и тогда не надо никому доказывать свою нужность и подтверждать свою стоимость.

Серость

Над серой девятиэтажкой с выцветшими серо-голубыми балкончиками, медленно плывут свинцовые тучи. Они появляются из-за серо – зелёного леса, проплывают на грязно – весенним городом и уходят в сторону бледно серого Басега – куда-то в Азию. А серые люди, хмуро копошащиеся на земле, не обращают на тучи никакого внимания, занятые своей серой будничной работой.

И настроение, тоже, серое. Весенняя меланхолия. Хотя, чем она отличается от осенней, летней или зимней? Меланхолия не зависит от погоды, но, когда погода позволяет, я с удовольствием пользуюсь возможностью «списать» внутреннее состояние на природные явления.

А дописать рассказ я решил через неделю, в Тольятти. Бездонное голубое небо, солнце, около 20 градусов по шкале Цельсия, зелёная травка (в Губахе – снег и дождь), работа тихонечко двигается, люди не агрессивные, гостиница – замечательная, а на душе – мутота. И списать на погоду своё состояние – шансов почти нет. Погода то – замечательная. Хотя, нет. Солнце слишком яркое, какое-то назойливое – не греет, а печёт. Ветерок, вроде бы, и освежает, но какой-то холодноватый.

Хотя, что это я. Погода, вообще, не причём. Просто

– гнусно. Я забыл жить и слишком увлёкся меланхолией. Слишком много внимания уделяю бренности бытия – сделать, слетать, не забыть, обязательно. Зачем? Да – потому что! Потому что надо. Надо мне, но для кого-то. Для тех, кто, как я считаю, может что-то решить за меня. Послать, принять, уволить, похвалить или не обратить внимания. Сделать то, что я считаю нужным для себя. А нужно ли это мне? Не знаю. Просто так принято в обществе, в котором я нахожусь.

Уйти? Куда?

Не общаться – не получается.

Так и живём по правилам, иногда маемся тоской по чему– то несбыточному, непонятному и необъяснимому, страдаем, устав от норм и правил, бунтуем, показывая своё несогласие, не пытаюсь что-то перестроить, а просто показываем норы, пытаюсь утешить и тем самым обеспечить себе хоть какую-то безопасность. А она, даже не какая ни будь, а вообще любая – иллюзия, иллюзия безопасности. Она (иллюзия) есть, а безопасности нет. И есть зависимости, даже когда их не чувствуешь и когда есть иллюзия свободы... Но это только иллюзия. И нестыковка того, что есть и того, что хочется, вызывает меланхолию. Всё понимаю, всё знаю, всё объяснимо, но только хочется. Хочется чего-то непонятного, того, чего никогда не будет. А очень хочется. Или хотя бы, что бы поменьше тянуло то, что есть. Только понимаешь, что не будет того, что хочется и то, что тянет, никуда не денется. Всё будет, так как есть и от этого муторно. И наступает

меланхолия. Особенно – когда пасмурно и можно списать её на непогоду.

Вот такие вот гнусные размышлялки серого цвета. Среди прекрасного, но такого страждущего и скупого на радости, мира.

2008

О течении жизни

Как круто, иногда, заворачивается течение жизни. Всё хорошо, всё замечательно, куча вполне выполнимых планов и вдруг – хлоп. Все остаётся и планы, и замечательности, только уже без меня и где-то там, за больничными стенами. А я на больничной койке с непонятным диагнозом – то ли инфаркт, то ли ишемия.

А начиналось всё обыденно и просто. Позвали выгнать машину из гаража. Пришёл, перекурили, пошутили. Выгоняя, решил развернуться. Разворачиваясь машина чуть-чуть поскользнулась на мягком и сыром снеге. На какие-то пол метра. Этого вполне хватило, чтобы приложиться к стоящей тут же «четвёрке». Той хоть бы что, а на нашей машине вся левая сторона – под замену.

Всё. Планы минимум–то, что хотел сделать сейчас – отодвинулись. Добавились новые заботы. Жизнь, чуть-чуть споткнувшись, начала снова набирать обороты. Только отвлекло состояние. Что-то давило, где-то кружилось. Съесть бы таблетку, так нет, поехал в скорую. Давление оказалось нормальным. А вот сердце не понравилось. Не понравилось сильно. Поэтому из больницы уже не выпустили. И полетели в тартарары все дела и запланированные встречи. И совсем другой стала жизнь и отношения. Кто друзья – те беспокоят-

ся, а кому просто нужен – копят обиду (загасился симулянт). А есть те, кому я пофигу. Есть – хорошо, нет – тоже неплохо.

Интересно, а как крепко человек привязан к жизни? Почувствует ли он как перетирается верёвочка или хлоп и всё? Сможет ли быть осторожнее, почувствовав перетирание? И дадут ли быть осторожнее?

Наверное – нет. Не для того человек на свете, чтобы быть эгоистом. Он должен, он обязан, он нужен, он в ответе. Как всё связано. Крепко и запутано. И ему могут позволить быть эгоистом потом. Когда для него всё кончится. И сразу все вспомнят только хорошее или ничего. А потом природа, которая не терпит пустоты, заполнит зияющую рану потери. И будут вспоминать только иногда. Но поговорить, посоветовать, помочь, он уже не сможет. Кто – то другой займёт это место. И будет советовать, помогать, говорить. Потом и он уйдёт. И так до бесконечности. Уходят те, кто помогает, уходят те, кому помогают и на их место приходят другие. И по-другому друг к другу относятся. Но всё равно относятся. И хочется остаться в этом мире отношений. Помогать, говорить, советовать. А только надо ли? И каждый решает это для себя. Каждый – сам для себя, за себя и за других.

А я выйду и всё решу. Всё что должен был до, всё, что накопилось во время, всё, что будет после. Буду решать, пока решается. Буду стараться быть нужным и полезным. А потом... потом, через некоторое время моё место займут другие. И будет время пожить для себя. Сам для себя. Никому

не нужен, никому не должен. Живёшь и радуешься незаметно для всех. Бесполезно для них. Выпавший из череды советов, помощи, разговоров. Просто живёшь. Очень просто. Как белковое тело, удовлетворяя жизненно важные потребности.

Для меня это, наверное, важно – любоваться закатами, слушать прибой и знать, что где – то живут люди, которым ты советовал, помогал. Те, кто мне дорог. И может быть, когда-нибудь, кто-нибудь из них приедет. Не за советом, не для того, чтобы помочь или попросить помощи, а просто так. И мы будем говорить ни о чём, любуясь закатами и слушая шорох волн.

2010.

Ученик

(В стиле буддийской притчи. Из «Записок» Лиолянг Джё)

Ранним утром, в ворота далёкого горного монастыря постучал усталый путник. Монахи открыли ворота и провели путника к учителю.

– О, учитель, я прошёл долгий путь, чтобы спросить у тебя – с чего я должен начать путь в познании мудрости.

– Знаешь ли ты, что мудрость умножает печаль?

– Знаю.

– Тогда зачем тебе познавать то, что может опечалить?

– Я хочу понять, в чём смысл моей жизни, в чём её суть?

– Сейчас суть твоей жизни в бесполезном движении и в ней нет смысла.

– Я могу наполнить её смыслом!

– Наполняй... – сказал учитель и жестом прогнал путника.

Они больше никогда не встретились. Путник больше не искал учителей, учителя приходили к нему сами, и у него их было много. Учителей, одни из которых учили его добрым делам и мыслям и учителей, которые показывали своим примером, как не следует себя вести. И к тем и другим путник относился с почтением подобающим ученику. Причём вто-

рые, были более ценны в пути, так как оберегали от неверных шагов, давали свободу выбора среди оставшихся вариантов.

Воспоминания о своих встречах с учителями путник, который стал именовать себя странником, записывал и как-то выпустил книгу. Небольшую книгу с маленькими рассказами, о своём не преодолении пути, но о странствии в поисках нового.

А учитель, случайно увидевший книгу, вспомнил незадачливого путника: «Я знаю, что человек может измениться, если захочет. Этот не захотел!»

Сейчас, эта книга лежит на самом видном месте у учителя, книга его Первого ученика. Ученика, познавшего путь мудрости, понявшего суть и смысл жизни и продолжавшего странствовать.

2012